

Эвристическая роль внешних психологических аналогий в построении социальных моделей

© И.И. Комиссаров¹, М.А. Максимов²

¹ Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга, 248023, Россия

² МГТУ им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал), Калуга, 248000, Россия

Рассмотрено моделирование социальной реальности с применением внешних психологических аналогий. Проанализированы социальные модели представителей психозволюционизма (Уорд, Тард, Гиддингс), инстинктивизма (Мак-Дугалл), этнопсихологии (Вундт), психологии масс (Лебон), психоанализа (Фрейд, Юнг, Фромм, Делез, Гваттари). Наиболее востребованными в социальном познании моделями оказались: «общество — мозг», «люди — нервные клетки», «общество — психически больной (здоровый) человек». Показаны две главные стратегии конструирования психосоциальных моделей: редукционизм (сведение социального к психологическому) и проведение полной аналогии с вспомогательной областью знания. Установлено, что психозволюционисты стремятся отмежеваться от органицизма, социальным психоаналитикам свойственна тенденция «исследовательского высокомерия». Внешние психологические аналогии оказались востребованным средством интерпретации социума.

Ключевые слова: психосоциальные модели, внешние аналогии, социальная реальность, психозволюционизм, инстинктивизм, этнопсихология, психология масс, психоанализ

При моделировании общества в рамках социальной философии значительна роль внешних аналогий. Внешние аналогии представляют собой извлеченные из вспомогательных (по отношению к социально-философскому познанию) областей знания заимствования, которые применяются для описания, интерпретации, моделирования объекта социальной реальности. В качестве вспомогательных областей могут выступать физика, биология, геология и другие науки. В результате междисциплинарного взаимодействия социальной философии и вспомогательных по отношению к ней наук появились на свет модели социального механизма (теория механизмов и машин — раздел механики), социального организма (живые тела — предмет биологии), общественно-экономических формаций (формация — геологический термин) и др., которые распространены и по настоящее время вызывают интерес научной общественности [1–4].

По мнению авторов статьи, существуют три стратегии вовлечения любых внешних аналогий в социально-философское исследова-

ние. Во-первых, это отдельные заимствования, которые не позволяют сделать полное, детальное сопоставление общества и объекта вспомогательной дисциплины, однако с их помощью возможна интерпретация отдельных явлений или процессов в социуме. Так, представители цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби) зачастую апеллируют к биологии при описании фаз развития отдельной цивилизации: она подобно тому или иному живому существу проходит стадии рождения, жизни и гибели. Тем не менее цивилиционисты делают акцент в исследованиях на культурных факторах общественной жизни, уподобление общества живому существу для них не главное [5].

Во-вторых, это полная аналогия между обществом и объектом вспомогательной области знания. Например, такой стратегии придерживался Г. Спенсер, моделируя общество как социальный организм, обладающий нервной, распределительной и питательной системами. Спенсер настолько подробно проводил параллели между обществом и животным организмом, что даже деньги связывал с красными кровяными тельцами, а телеграфные линии уподоблял длинным отросткам нервных клеток [6].

В-третьих, это стирание границы между двумя областями знания. Здесь исследователи нередко редуцируют гуманитарные науки к естественным. Так, А.Л. Чижевский ставил в прямую зависимость социально-исторические процессы от пятнообразующей деятельности Солнца [7]. В результате общество описывалось с помощью волновой модели, а использование заимствований из физических наук при моделировании социума было неизбежным.

Объектом настоящего исследования являются внешние психологические аналогии, т. е. категориальный аппарат психологии и смежных с ней дисциплин, который применяется для моделирования социальной действительности — общества. Показаны многогранность такого подхода к интерпретации социума, его актуальность и потенциал для современных социально-философских исследований. Выявлено соотношение указанных выше трех стратегий в рамках исследований с применением внешних психологических аналогий: какая (или какие) из стратегий является доминирующей, а какая, наоборот, представлена менее всего в социальной философии.

Классическим представителем психологического подхода к объяснению социальных процессов традиционно считается Лестер Уорд. Его теоретические усилия были во многом направлены на дополнение эволюционистской исследовательской программы изучением психологических аспектов функционирования общественных процессов и отношений. Если биоэволюционисты считали социальное развитие непосредственным элементом органического процесса и

придавали ему автоматический характер, то психоэволюционисты полагали, что дифференциация социума является результатом развития сознания и интеллекта. Так, Уорд, полемизируя с Г. Спенсером, утверждал о недостаточности организмической модели общества: невозможно рассматривать социальные институты только по аналогии с элементами организма, необходимо также учитывать действие психических сил, проявляющихся в коллективном состоянии [8]. Явной социальной силой, по мнению Уорда, являлись человеческие физиологические желания (голод, жажда), но постепенно из данных первичных устремлений складываются более сложные интеллектуальные и эстетические желания.

Уорд в своей объяснительной модели пытался представить именно совокупность чувствований (душа человека) как основной динамический элемент общественных отношений. Актуальным можно признать предположение исследователя о том, что модель обезличенной социальной эволюции, не учитывающей сознательную и целенаправленную деятельность людей, следует считать бесперспективной. Уорд тщательно показывает возможности разума (интеллекта) преодолеть жесткие рамки природного процесса. Общественные силы здесь уподобляются интеллектуальным возможностям человеческого существа, которые позволяют сознательно руководить социальным окружением.

Помимо Уорда идеи психологического эволюционизма были представлены в работах Ф.Г. Гиддингса, который предложил считать общество сложным психическим явлением, духовным союзом разумных существ, которые способны сознательно взаимодействовать при сохранении индивидуальности каждого участника [9]. Вероятно, для Гиддингса ключевым понятием социологии является «сознание рода»: «Состояние сознания, в котором всякое существо признает другое сознательное существо принадлежащим к одному роду с собой» [9, с. 19]. Именно благодаря такому сознанию человеческая масса постепенно превращается в организованную целостность. Как полагает А.В. Окатов, в работах Уорда и Гиддингса особое внимание уделено сознательным аспектам социальной эволюции, что стало ценным вкладом в изучение механизмов усовершенствования общественной жизни [10].

В дальнейшем идеи психоэволюционистов в своих трудах развивает Г. Тард, проводя аналогию между социальным процессом и мозговой деятельностью. Для Тарда мозг представляется своеобразным органом, который повторяет чувственные центры, при этом сам мозг состоит из элементов, взаимно копирующих друг друга: «Общество походит и, по мере того, как оно цивилизуется, стремится все более и более походить не на организм, а скорее на тот своеобразный орган,

который называется мозгом; вот почему социальная наука, как и психология, является только прикладной логикой. Общество вообще представляет собой или с каждым днем приближается к тому, чтобы представлять только большой собирательный мозг, в котором отдельные маленькие индивидуальные мозги являются клеточками» [11, с. 158]. Таким образом, можно отметить полную аналогию общества и объекта вспомогательных областей знания: мозговая деятельность исследуется в рамках и биологии, и психологии. При этом Тард критикует организмическую теорию за ее неправдоподобность: «Кровеносные сосуды составляют часть организма, но разве железные телеграфные проволоки и рельсы и цепи вагонов составляют часть общества? Пусть нам покажут народы, у которых вместо наших металлических проводников электрические цепи из одного города в другой составляются из людей, держащихся за руки и стоящих по направлению этой линии, где вместо наших поездов с пассажирами и товарами люди тянутся из города в город длинными, непрерывными, переплетающимися между собой процессиями!» [11, с. 157]. Согласно Тарду, если бы общество было подобно организму, то возросло бы неравенство, тем не менее наблюдается возрастание демократических тенденций в современном социуме. Индивид в системе развитых социальных отношений уже не может рассматриваться по аналогии с клеткой или отдельным органом: изменчивая структурность общественного целого поддерживается духом самопожертвования и социальное равновесие выражается в достижении определенного уровня солидарности между различными эгоистическими стремлениями.

В работе «Монадология и социология» Тард пытался предложить универсальный психоморфизм как альтернативу идеалистической редукции. В рамках его подхода весь материальный мир (и общественный) рассматривался как наделенный всеобщими душевными силами, которые являются источником суждений и понятий [12, с. 21]. Предметом социологии в таком случае должно было стать взаимодействие людей посредством убеждений и страстей. Убеждения (или верования) Тард рассматривает как психологическую основу любого социального явления. Здесь проявляется концептуальная ограниченность данной исследовательской стратегии, так как социальное пространство не функционирует в качестве совокупности проявлений человеческого духа. Однако методологически ценным представляется акцент на психологических механизмах развития общественных отношений.

В начале XX в. влиятельным направлением психологического подхода в социологии становится инстинктивизм. Его виднейший представитель Уильям Мак-Дугалл уделил немало внимания аналогии общественных явлений и врожденных инстинктов. Инстинкт представлялся некой внутриличностной детерминантой, которая объ-

ясняла поведение человека и целой социальной общности (количество базовых инстинктов Мак-Дугалл постоянно варьировал). Согласно его представлениям, войны являлись результатом предрасположенности к драчливости, а накопление социального капитала — к собирательству. Безусловно, в работах Мак-Дугалла проявилась редуccionистская исследовательская установка, так как для него психология становилась базисом всех общественных дисциплин, и любые социальные изменения сводились к проявлению одного или нескольких инстинктов. Можно предположить, что налицо упрощение картины социальной эволюции, которая не может строиться на примитивных причинно-следственных связях, но должна происходить «путем сложного взаимодействия компонентов динамической системы» [13]. Стоит заметить, что несомненную ценность представляет обращение Мак-Дугалла к изучению несознаваемых компонентов психики человека и их роли в общественной жизни. Но при этом данная искусственная подмена социально-исторических закономерностей индивидуально-психологическими проявлениями человеческой природы может быть подвергнута серьезной критике (например, П. Сорокин отмечал необоснованный идеализм сторонников инстинктивизма). В целом можно согласиться с ограниченной возможностью применения исследовательской стратегии Мак-Дугалла в современном социальном познании.

Подобная редуccionистская установка была также характерна для немецких ученых второй половины XIX в.: М. Лацаруса, Х. Штейнталя, В. Вундта. Хотя они возражали против прямой аналогии индивидуального сознания и общественной жизни, тем не менее рассматривали последнюю как творческое соединение индивидуальных привычек и обычаев (например, мифология представлялась результатом обработки представлений чувствами). По мнению авторов настоящей статьи, итогом деятельности указанных исследователей явилось создание этнопсихологической модели социального познания, согласно которой психология народов становилась логичным продолжением индивидуальной психологии, так как народный дух существует только у индивидов. Эвристический потенциал данной модели проявляется в попытках изучения психологических причин, лежащих в основе конкретного мифа или культа, а также в возможностях психологически обосновать изменения душевных представлений в контексте социокультурного развития (решение задачи обнаружения первоначального содержания понятий и определения эмоционального отношения к явлениям социальной жизни). Необходимо заметить, что уже Вундт стремился выйти за рамки редуccionистской стратегии исследования социальной жизни. Сутью его подхода является исследование взаимодействия индивидуумов со средой и выяснение процесса развития духовных явлений [14]. Язык и мифы

здесь рассматривались не как результат действия изолированных сил, а как комплексный процесс объединения духовных сил индивидов. Действительно, вряд ли аналогия индивидуальных представлений и общественных явлений способна в чистом виде стать основой для современных объяснительных моделей социального познания.

В дальнейшем в работах Г. Лебона был сделан акцент на иррациональности человеческого поведения, была обозначена проблема психологического заражения человеческого существа бессознательными импульсами в массовой среде. Данная среда постепенно формирует из индивидов толпу, которая обладает особой душой: различные качества людей растворяются в однородности и в общественных отношениях начинают преобладать бессознательные качества. Если Вундт пытался объединить в психологии народов различные продукты духовной деятельности (закон сверхиндивидуальной психики), то Лебон предпринял попытку выявить тенденции возрастания иррациональности масс (закон духовного единства толпы) [15].

В другом направлении осмысления социума шел австрийский психоаналитик З. Фрейд [16]. Он рассматривал эволюцию человеческого общества как переход от нецивилизованных движимых влечениями индивидов к цивилизованному конгломерату сосуществующих вместе людей, где его участники ограничиваются в проявлении своей вседозволенности — безудержной агрессии, сексуальности. Человечество отказывается от кровосмешения, каннибализма, старается подавить страсть к убийству себе подобных. Энергия, которая должна была пойти на осуществление этих непристойных и греховных деяний, тратится на построение цивилизованного общества, где люди производят материальные и культурные ценности, стараются вместе жить в комфорте, безопасности и мире. Однако подавление страстей имеет для цивилизованных людей свою цену: они не чувствуют удовлетворенности, бессознательно помня о асоциальных влечениях; кто-то не может преодолеть свою животную природу, что опускается до совершения этих безнравственных и противоправных деяний, становится вне общества и впоследствии исключается из него, в том числе физически (преступник, осужденный на смертную казнь). В то же время в цивилизованном обществе заметен и прогресс: запреты на проявление агрессии и распущенности перестают восприниматься людьми как нечто навязанное извне, как оковы, эти запреты становятся неотъемлемой частью человеческой психики (т. е. происходит процесс интериоризации), они присваиваются людьми и воспринимаются как нечто естественное — формируется психическая структура Сверх-Я.

Фрейд прежде всего редуцирует происхождение и развитие общества к психическим изменениям, оказывающим прямое воздействие на социальность людей. Речь не идет о простом проведении

внешних аналогий с психикой. Именно подавление необузданных влечений, которые ассоциируются со структурой Оно, и становление человеческой сознательности (структура Я) и моральных устоев (структура Сверх-Я) позволили людям прийти к жизни в условиях цивилизации с ее материальными и иными благами.

В эвристическом плане Фрейд продвинулся вперед, поскольку обратил внимание на связь между рождением, прогрессивным развитием человеческой цивилизации и изменением сознания людей: человек, эволюционируя социально, одновременно модифицируется и психически (другой вопрос — достигает ли он при этом удовлетворенности). Если бы психологические особенности сознания людей не влияли на их предрасположенность к социальности и социализации, то любой представитель современного первобытнообщинного строя (например, австралийский абориген) мог бы без труда отказаться от своего отсталого образа жизни и влиться в более цивилизованное общество или своими и коллективными усилиями построить его дубликат на своей территории. Однако исчезновение примитивных обществ не происходит или происходит очень медленными темпами и не в последнюю очередь из-за особенностей функционирования человеческой психики. В любом случае люди, находящиеся на низкой ступени экономического развития, не в состоянии мгновенно принять образ жизни более развитой цивилизации, хотя у них нет непреодолимых физических и научных барьеров против этого: им не нужно заново изобретать электричество и самим узнавать, как строить комфортабельные дома, — они могут этому научиться у своих более культурно развитых соседей, от которых их не отделяют непреодолимые расстояния.

В то же время следует отметить явное ограничение психосоциальной модели Фрейда. Его теория носит умозрительный характер, поскольку являет собой мысленный эксперимент в древнюю историю, который невозможно напрямую ни доказать, ни опровергнуть. За это идеи Фрейда были подвергнуты серьезной критике со стороны строгих философов науки, каким, например, был К. Поппер. По мнению авторов настоящей статьи, представления австрийского психоаналитика о происхождении цивилизованного общества можно отнести к области социальной метафизики. Они представляют собой правдоподобную догадку, но не подтвержденную неоспоримыми данными истину.

Итак, Фрейд подверг критике современные высокоразвитые общества за то, что их социальный прогресс основан на депривации человеческих влечений. Это приводит к мысли о том, что, поскольку люди в цивилизованном обществе не чувствуют себя удовлетворенными, такое общество нельзя назвать здоровым и адекватным природе человека — общество само по себе больно, ненормально. Фрейд,

таким образом, наметил путь последующих психоаналитических исследований социума: «...можно ожидать, что однажды кто-то отважится на исследование такой патологии культурных сообществ» [16, с. 269]. Последующая история развития психоанализа свидетельствует о том, что надежды Фрейда были оправданны.

Одним из первых на такое исследование решился швейцарский психиатр К.Г. Юнг. В интервью от 11 мая 1945 г. швейцарской газете *Weltwoche* [17] Юнг выступил в роли психиатра по отношению к немецкому обществу, только что капитулировавшему в войне. Юнг считал, что немцы обратились к идеям нацизма — «к демонам», поскольку обладают подходящим набором психологических черт: невероятная внушаемость, безвольная покорность приказам, психологическая неполноценность (которую немцы компенсируют манией величия), сентиментальность (которая оборачивается жестокосердием, бездушием и бесчувственностью). Обвинения в бездушии и зверскости, которые были обращены немецкой пропагандой на советских граждан, есть, как говорит Юнг, не что иное как перенос (трансфер) собственных личностных качеств на врага. К тому же немцы — народ многочисленный, а широкие массы гораздо в большей степени подвержены демонизации, чем, например, индивидуалистическое население малочисленной Швейцарии. Психиатр в итоге нелестно отзывается о родственной стране: «Германия всегда была страной психических катастроф» [17].

В данном случае можно заключить, что внешняя психологическая аналогия имеет место и проводится между конкретным обществом и душевнобольным человеком. Аналогия носит полный характер, это не часть концепции, которая не основана на внешних аналогиях или основана на других аналогиях. Юнг в целом подразделяет государства (как психиатр — людей) на здоровые и больные с точки зрения их душевного здоровья. Английское и швейцарское общества более психически устойчивее, чем американское и советское, тогда как Германия уже обезумела от фашизма. Немецкое общество может вылечиться, если встанет на путь раскаяния — это «не только религиозная, но и психологическая истина» [17].

Модель Юнга в качестве базиса имеет ту же психоаналитическую посылку, которую привнес в социальную философию Фрейд: тесная взаимосвязь социальности и социализации людей и их психического развития. В эвристическом плане в своей статье Юнг смог сместить акцент с исторической древности, которая трудно поддается изучению, в сторону обществ современной истории, о которой известно гораздо больше данных. Ограничение подхода Юнга состоит в том, что он, как субъект познания, из исследователя, стремящегося к объективному знанию об обществе, трансформируется в мудреца, кото-

рый этим знанием уже заведомо обладает: он берет себе исключительное право ставить общественно-психологический диагноз целым народам, что говорит о высокомерии исследователя. Итак, появляется новая форма догматизма в социальном психоанализе.

Еще одним психоаналитиком, интерпретировавшим общество в терминах психической нормы и патологии, был Э. Фромм. Представляет интерес его работа «Здоровое общество» [18]. Фромм, так же, как и Юнг, постулирует существование психически здорового и нездорового обществ. Здоровое общество должно способствовать формированию психического здоровья, удовлетворению душевных и духовных потребностей, в противном случае общество становится психически больным. Приведем цитату из Фромма, описывающую, какие психологические особенности относятся к тому или иному типу обществ: «Здоровое общество развивает способность человека любить людей, стимулирует созидательный труд, развитие разума, объективности, обретение чувства собственного Я, основанного на ощущении своих творческих сил. Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства Я, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом» [18, с. 87]. Фромм не ограничивается указанной аналогией, он также говорит о наличии у общества социального характера [18, с. 94], семью рассматривает в качестве психологического орудия общества [18, с. 99].

Фромм ставит диагноз современному ему (1950-е гг.) западному капиталистическому социуму — шизоидное самоотчуждение. Оно является больным, поскольку не формирует психически здорового индивида (в соответствии с указанными качествами), человек здесь отчужден от самого себя и от других людей, его личность распадается [18, с. 239]. В душевном и духовном отношении Запад регрессировал до того уровня, в котором находилось человечество во II тысячелетии до н. э. [18, с. 405]. Как социальный психотерапевт Фромм указывает курс лечения социальной патологии: конфликт с психической природой человека привел к страданиям, которые должны быть осознаны и восприняты всерьез, в результате чего люди изменяют сложившийся общественный строй и свои ценности к лучшему [18, с. 314].

Итак, Фромм является явным сторонником применения внешних психологических аналогий, их использование входит в ядро его концепции. Существуют больные и здоровые общества, равно как душевнобольные и психически здоровые люди. Нездоровое общество подобно душевнобольному человеку, который регрессировал к уже пройденным стадиям своего душевного развития и тем самым впал в болезнь (Фромм говорит о шизофрении [18, с. 84, 85]). Как душевно-

больного можно исцелить сеансами психотерапии, так и нездоровое общество должно быть подвержено лечению.

Интересно, что у Фромма наблюдается смещение объекта критики по отношению к Юнгу. Оба аналитика старались быть актуальными: Юнга интересовала только что низложенная нацистская Германия, Фромма — передовая капиталистическая сверхдержава — США, «американский образ жизни» [18, с. 88]. У Юнга идеалом социального здоровья служат конкретные европейские государства (Великобритания, Швейцария), тогда как Фромм считает, что социального идеала еще ни одно общество не достигло. Что касается СССР, оба мыслителя соглашались, что советская альтернатива не является образцом социального здоровья.

По мнению авторов настоящей статьи, Фромм находится в стезе традиции, намеченной до него Юнгом. Однако его «исследовательское высокомерие» заходит слишком далеко. Фромм отказывает всему человечеству в нормальности, а не какой-либо его отдельной части.

Следующим этапом в ряду психоаналитических исследований социальной психопатологии явилась общественная модель французских постмодернистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари («Капитализм и шизофрения») [19]. Французские авторы прибегают к активному использованию терминологии из других областей научного знания — как минимум задействованы математика, физика, биология, психология. Специалисты в области естественных наук А. Сокал и Ж. Брикмон критикуют французских мыслителей за «большую плотность научных терминов, использованных без контекста и без видимой логики» [20, с. 130], за выставленную напоказ обширную, но крайне поверхностную эрудицию. Данное замечание относится не только к естественно-научному, но и к социально-гуманитарному блоку в работах французских интеллектуалов.

В «Капитализме и шизофрении» Делез и Гваттари при интерпретации капиталистического общества активно прибегают к внешним психологическим аналогиям, используя их помимо других аналогий. Можно сказать, что философы находятся в русле психоаналитической традиции критики психически нездорового общества, в особенности их мысли перекликаются с идеями Фромма. Согласно французским авторам, современное капиталистическое общество является душевнобольным. Главный общественный недуг — шизофрения. Шизоидны по сути не только отдельные индивиды, но и сам социум целиком — это шизофреническая машина [19, с. 14]. «Так что шизофрения пропитывает все капиталистическое поле, охватывая его со всех концов» [19, с. 388]. В обществе «шизогенного общественного производства» [19, с. 568] «денежные потоки — в высшей степени шизофренические реальности» [19, с. 389], а семья наделяется «ро-

лью передаточного механизма, необходимого для превращения общественного отчуждения в душевную болезнь» [19, с. 568].

В эвристическом плане отмечаем, что особенностями использования внешних психологических аналогий данными авторами является, во-первых, переплетение их вместе с другими аналогиями, например, механистическими: общество как шизофреническая машина, «шизофреник — это машина» [19, с. 599], машины-люди состоят из машин-частей (машина для еды, машина для говорения, машина для дыхания) [19, с. 13]. В этом заключается новаторство Делеза и Гваттари. Во-вторых, французские постмодернисты не показывают в явном виде какую-либо здоровую альтернативу душевнобольному капитализму, не озвучивают ясные пути лечения. В этом отношении они продолжают тенденцию «исследовательского высокомерия». В-третьих, употребление аналогий переходит в злоупотребление. Так, встречаются противоречия: шизофрения — это и сущность капиталистического общества [19, с. 14, 388, 568], и его предельное состояние [19, с. 207], и есть нечто отличное от него [19, с. 387].

В целом Делез и Гваттари используют во всех своих трудах внешние психологические аналогии, но нельзя сказать, что им отведена исключительная роль, поскольку они употребляются в комбинации с внешними аналогиями из других областей знания. Указанные особенности позволяют говорить об эпистемологическом анархизме в рамках отдельно взятого исследования, лозунгом которого может стать принцип П. Фейерабенда «дозволено все». Существует мнение, что данный подход при всех его недостатках «открывает широкие исследовательские горизонты для дальнейшего изучения бытия на всех его уровнях» [21, с. 136].

Итак, можно было убедиться, что внешние психологические аналогии — это достаточно востребованное средство познания общества, которое используется в рамках социальной философии уже как минимум больше века. Указанные аналогии задействуют представители психоэволюционизма, инстинктивизма, этнопсихологии, психологии масс и психоанализа. В эвристическом плане наиболее востребованы оказались две стратегии: редукционизма (Уорд, Гиддингс, Мак-Дугалл, Вундт, Фрейд) и проведения полной аналогии между обществом и объектом вспомогательной области знания (Гард, Юнг, Фромм). Отдельно стоит отметить позицию Делеза и Гваттари, которые применяют (ризомически переплетают) внешние психологические аналогии наравне с другими, например, механистическими.

Среди тенденций психосоциального моделирования можно выделить стремление исследователей отмежеваться от органицизма, в рамках которого конструируются модели с помощью внешних биологических аналогий; привлечение ключевых психологических ана-

логий «общество — мозг», «люди — нервные клетки», «общество — психически больной (здоровый) человек»; использование дихотомии нормальности — ненормальности применительно к социуму. Психическая ненормальность какого-либо общества в ряде случаев подразумевает наличие общественного идеала (нормы), к которому можно прийти через социальное лечение.

Можно отметить также негативные стороны психосоциального моделирования. Во-первых, в рамках психоанализа социальный аналитик, взяв на себя сверхчеловеческую роль общественного целителя, высокомерно возвышается над обществом, диктуя всему человечеству (или достаточно большой его части), что есть благо, а что есть зло. Способен ли социальный исследователь не только описывать общество, но и адекватно ставить ему диагноз и намечать точные пути излечения, к которым должны прислушаться миллионы людей? Во-вторых, противоречия в интерпретации аналогии «капиталистическое общество — больной шизофренией» в трудах Делеза и Гваттари свидетельствует об их злоупотреблении внешними аналогиями.

В настоящее время психологическая исследовательская программа в социальных науках прочно интегрировалась в базис коммуникативной теории (Ю. Хабермас), где предусмотрены два методологических приема рассмотрения общества (общество как жизненный мир и общество как социальная система). Социальное бытие, исследуемое в контексте коммуникативного процесса, уже не может выступать в форме некой объективной данности, должна учитываться способность человека интерпретировать и переосмысливать существующую социальную реальность. При этом в современных социальных исследованиях чаще используются аналогии из естественно-научных дисциплин: например, социальные «поля» и «пространства» в структуралистском конструктивизме П. Бурдьё, понятия «сети» и «потoki» в теории информационного общества (М. Кастельс), «точки бифуркации» в социальной синергетике [22]. Однако, по мнению авторитетного социального психолога С. Московичи, ни одно концептуальное исследование социального бытия не способно полностью отказаться от соотнесения объекта с индивидуальным миром. Для интерпретации какого-либо социального процесса следует уделить внимание реконструкции индивидуальных мотиваций. Полный отказ от психологизма в теоретических разработках общественных отношений будет всегда мнимым, так как в реальности психическое и социальное фактически неразделимы. Так, набирающей популярность акторно-сетевой теории (Б. Латур) социальный мир представляется нестабильным состоянием, где действующие лица постоянно переопределяют свою идентичность в повседневных практиках. Сосуществование различных социальных институтов в современном обществе при-

водит к развитию концепта «множественная личность» (И. Гофман, Дж. Эльсер), что повышает интерес к социологической рефлексии касательно психологических представлений того или иного актора. Также усиливается проблематизация когнитивной деятельности и режимов действия (Л. Болтански и Л. Тевено), что в свою очередь подразумевает актуализацию исследований множественности коммуникационных контекстов и ментального разнообразия.

Основная критика психологизма в социальных науках обычно концентрируется на редуционистской стратегии вовлечения внешних психологических аналогий в исследование общественных явлений [23]. Несмотря на доминантный характер данной стратегии, стоит учитывать, что редукция в современной науке является достаточно рабочим концептом, и вряд ли какая-либо научная дисциплина способна представить объект своего исследования во всех его ракурсах и смыслах: «В том, что одна наука улавливает и принимает причины, открытые другой наукой, в конце концов нет ничего исключительного» [24]. Тем более, что в современной социальной философии до сих пор отсутствует некая универсальная парадигма, ограничивающая возможности интерпретации общественной жизни (в том числе и с использованием психологических аналогий). Разумеется, данное положение дел не должно приводить к нарастанию методологического анархизма и игнорированию идеалов научной рациональности. И в этой связи определенные перспективы приобретают исследования междисциплинарного взаимодействия, которые приведут, возможно, к новым горизонтам осознания современного социума.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Козачок В.И., Власова С.А. Историческая ретроспектива развития социального механизма управления. *Социология и жизнь*, 2013, № 2, с. 50–55.
- [2] Скворец В.А. Жизнеустройство народа и моделирование социального организма. *Философия и общество*, 2013, № 3, с. 87–104.
- [3] Комиссаров И.И. Г. Спенсер и Ф. Энгельс: две модели происхождения и сущности государственного устройства. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 4. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-04-357> (дата обращения 09.01.2018).
- [4] Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Три модели исторического процесса в философии К. Маркса. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 2009, № 1, с. 62–73.
- [5] Комиссаров И.И., Нехамкин В.А. Модели в историческом познании: современное состояние, перспективы развития. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2017, т. 8, вып. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (дата обращения 09.01.2018).
- [6] Спенсер Г. Социальный организм. В кн.: Спенсер Г. *Политические сочинения. Т. 1. Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе*. Москва; Челябинск, Социум, 2014, с. 300–341.
- [7] Чижевский А.Л. *Физические факторы исторического процесса*. Калуга, 1-я Гостиполитография, 1924, 70 с.

- [8] Уорд Л. *Психические факторы цивилизации*. Санкт-Петербург, Питер, 2002, 352 с.
- [9] Гиддингс Ф. *Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации*. Москва, КРАСАНД, 2012, 427 с.
- [10] Окатов А.В. Психологический эволюционизм в ранней американской социологии. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 2014, № 4, с. 22–30.
- [11] Тард Г. *Социальная логика*. Санкт-Петербург, Социально-психологический центр, 1996, 552 с.
- [12] Тард Г. *Монадология и социология*. Пермь, Hyle Press, 2016, 124 с.
- [13] Сукиасян С.Г. Суть и природа человека: эволюция Homo sapiens. *Концепт*, 2015, № 11, с. 6–10.
- [14] Вундт В. *Проблемы психологии народов*. Москва, Космос, 1912, 132 с.
- [15] Лебон Г. *Психология народов и масс*. Санкт-Петербург, Мает, 1995, 311 с.
- [16] Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. В кн.: Фрейд З. *Вопросы общества. Происхождение религии*. Москва, Фирма СТД, 2008, с. 191–270.
- [17] Юнг К.Г. Демонов привлекают массы. *Моноклер*. URL: <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekaют-massyi/> (дата обращения 24.01.2018).
- [18] Фромм Э. *Здоровое общество. Догмат о Христе*. Москва, АСТ, Транзит-книга, 2005, 571 с.
- [19] Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, У-Фактория, 2008, 672 с.
- [20] Сокал А., Брикмон Ж. *Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна*. Москва, Дом интеллектуальной книги, 2002, 248 с.
- [21] Рендл М.В. Актуализация метафизического хаоса в современной философии. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 2014, № 3, с. 127–136.
- [22] Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы. *Проблемы исторического познания*, 2015, № 1, с. 150–170.
- [23] Орехов А.М. *Социальная философия*. Москва, ЛИБРОКОМ, 2011, 272 с.
- [24] Московичи С. *Машина, творящая богов*. Москва, Центр психологии и психотерапии, 1998, 560 с.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Комиссаров И.И., Максимов М.А. Эвристическая роль внешних психологических аналогий в построении социальных моделей. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-6-532>

Комиссаров Иван Игоревич — канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры «Философия и культурология» Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Область научных интересов: модели в социальной философии. e-mail: ivanlotrov@list.ru

Максимов Михаил Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры «История и философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал). e-mail: mikecloud@mail.ru

The heuristic role of external psychological analogies in constructing social models

© I.I. Komissarov¹, M.A. Maximov²

¹Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, 248023, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch, Kaluga, 248000, Russia

The article considers modeling social reality using external psychological analogies. Social models of representatives of psycho-evolutionism (Ward, Tarde, Giddings), instinctivism (Mac-Dougall), ethno-psychology (Wundt), the psychology of the masses (Le Bone), psychoanalysis (Freud, Jung, Fromm, Deleuze, Guattari) are analyzed. The most popular models in the social cognition were “society is a brain”, “people are nerve cells”, and “society is a mentally ill (healthy) individual”. Two main strategies for constructing psychosocial models are shown: reductionism (reduction of the social to the psychological one) and the application of the complete analogy with the auxiliary domain of knowledge. It has been established that psychoevolutionists seek to dissociate themselves from organicism, social psychoanalysts have a “research arrogance” streak tendency. External psychological analogies proved to be a popular means of interpreting the socium.

Keywords: *psychosocial models, external analogy, social reality, psycho-evolutionism, instinctivism, ethno-psychology, psychology of the masses, psychoanalysis*

REFERENCES

- [1] Kozachok V.I., Vlasova S.A. *Sotsiologiya i zhizn (Sociology and life)*, 2013, no. 2, pp. 50–55.
- [2] Skvorets V.A. *Filosofiya i obshchestvo — Philosophy and society*. 2013, no. 3 (71), pp. 87–104.
- [3] Komissarov I.I. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2016, no. 4 (42). Available at: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-04-357> (accessed January 9, 2018).
- [4] Lubutin K.N., Kondrashov P.N. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 2009, no. 1, pp. 62–73.
- [5] Komissarov I.I., Nekhamkin V.A. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya” — The Journal of Education and Science “Istoriya”*, 2017, vol. 8, no. 2 (56). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (accessed January 9, 2018).
- [6] Spenser H. The social organism. In: Spenser H. *The Man versus the State, with Six Essays on Government, Society and Freedom*. Liberty Fund Inc. Publ., 1982, 550 p. [In Russ.: Spenser H. *Sotsialnyy organizm. Politicheskie sochineniya*. Tom 1. Lichnost i gosudarstvo: opyty o gosudarstve, obshchestve i svobode. Moscow, Chelyabinsk, Socium Publ., 2014, pp. 300–341].
- [7] Chizhevsky A.L. *Fizicheskie factory istoricheskogo protsesssa* [Physical factors of the historical process]. Kaluga, 1-ya Gostipolitografiya Publ., 1924, 70 p.
- [8] Ward L. *The Psychic Factors of Civilization*. Boston, Ginn & Company Publ., 1893, 400 p. [In Russ.: *Psikhicheskie factory tsivilizatsii*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, 352 p.].
- [9] Giddings F. *Principles of Sociology an Analysis of the Phenomena of Association and of Social Organization*. Cambridge. Harvard University Press

- Publ., 2001. [In Russ.: Giddings F. Osnovaniya sotsiologii: analiz yavleniy assotsiatsii i sotsialnoy organizatsii. Moscow, KRASAND Publ., 2012, 427 p.].
- [10] Okatov A.V. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki — Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 4 (132), pp. 22–30.
- [11] Tarde G., *La Logique sociale*. Paris, Félix Alcan Publ., 1895 [In Russ.: Tarde G. Sotsialnaya logika. St. Petersburg, Sotsialno-psikhologicheskii tsentr Publ., 1996, 552 p.].
- [12] Tarde G. *Monadology and sociology*. Melbourne, 2012 [In Russ.: Tarde G. Monadologiya i sotsiologiya. Perm, Hyle Press Publ., 2016, 124 p.].
- [13] Sukiasyan S.G. *Kontsept — Koncept*, 2015, no. 11, pp. 6–10.
- [14] Wundt W. *Probleme der Volkerpsychologie*. Leipzig, 1911 [In Russ.: Wundt W. Problemy psikhologii narodov. Moscow, Cosmos Publ., 1912, 132 p.].
- [15] Le Bone G. *The crowd: A study of the popular mind*. Kitchener, Batoche Books Publ., 2001 [In Russ.: Le Bone G. Psikhologiya narodov i mass. St. Petersburg, Maket Publ., 1995, 311 p.].
- [16] Freud S. Problems of society. Origin of religion. In: *Civilization and its discontents*. New York, W. W. Norton Company Publ., 1989 [In Russ.: Freud S. Neudovletvorennost kulturoy. In: Voprosy obshchestva. Proiskhozhdenie religii. Moscow, Firma STD Publ., 2008, pp. 191–270].
- [17] “*Werden die Seelen Frieden finden?*” Ein Interview mit Prof. C. G. Jung von P.S. In: *Weltwoche*, Zurich, 11.5.1945 [In Russ.: Jung C.G. Démonov privlekayut massy. Monokler. Available at: <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekayut-massy/> (accessed January 24, 2018)].
- [18] Fromm E. *The Sane Society*. New York, Rinehart & Company Publ., 1955, *The Dogma of Christ and Other Essays on Religion, Psychology and Culture*. New York, Holt, Rinehart and Winston Publ., 1963 [In Russ.: Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Khriste. Moscow, AST, Transitkniga Publ., 2005, 571 p.].
- [19] Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia*. London, The Athlone Press Publ., 1984 [In Russ.: Deleuze G., Guattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2008, 672 p.].
- [20] Sokal A., Bricmont J. *Fashionable nonsense: Postmodern intellectuals' abuse of science*. New York, Picador USA Publ., 1998 [In Russ.: Intellektualnye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna. Moscow, Dom intellektualnoy knigi Publ., 2002, 248 p.].
- [21] Rendl M.V. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva — Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2014, no. 3 (16), pp. 127–136.
- [22] Nekhamkin V.A. *Problemy istoricheskogo poznaniya — Problems of historical knowledge*, 2015, no. 1, pp. 150–170.
- [23] Orekhov A.M. *Sotsialnaya filosofiya* [Social philosophy]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011, 272 p.
- [24] Moscovici S. *La machine à faire des dieux*. Paris, L'espace du politique Publ., 1988, 485 p. [In Russ.: Moscovici S. Mashina, tvoryashchaya bogov. Moscow, Tsentr Psikhologii i psikhoterapii Publ., 1998, 560 p.].

Komissarov I.I., Cand. Sc. (Philos.), Assist. Professor, Department of Philosophy and Culturology, Tsiolkovsky Kaluga State University. Research interests: models in social philosophy. e-mail: ivanlotrov@list.ru

Maximov M.A., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of History and Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch. e-mail: mikecloud@mail.ru